

СОВЕТСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ В ЗЕРКАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Рец.: Советский исторический нарратив 1920–30-х годов:
содержание, акторы и механизмы конструирования /
под ред. В. В. Тихонова. М.: Совпадение, 2025. 480 с.

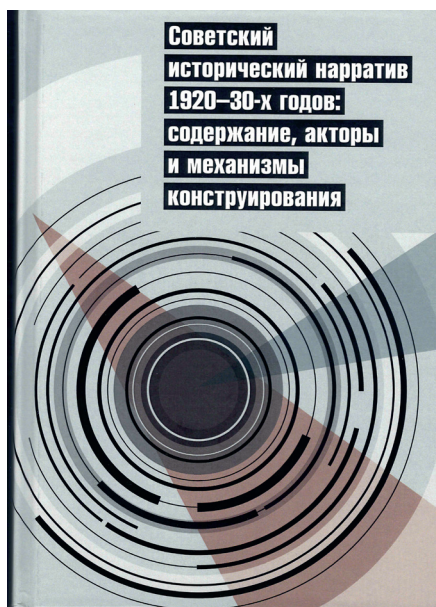
ОЛЬГА ВАДИМОВНА МЕТЕЛЬ

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия
olgametel@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6981-6137>

Аннотация. В рецензии отмечаются такие положительные стороны монографии, как стремление авторов к изучению механизмов конструирования исторического знания, обращение к анализу не только научных текстов, но также художественной литературы и кинематографа, построение новой версии историографического процесса 1920-х годов, расширение источниковой базы. В то же время издание имеет некоторые недостатки, связанные с неполной проработкой базовой методологии, недостаточной фундированностью отдельных выводов, разностью в исследовательской оптике и способах решения авторами поставленных проблем. При этом, по мнению рецензента, данное издание вносит свой вклад в изучение советской историографии и способствует отказу от упрощенного восприятия данной исследовательской традиции.

Ключевые слова: исторический нарратив, советская историческая наука, советский исторический фильм, антиколониальный дискурс, проблемная историография, историческая наука и литература, декабристоведение.

Для цитирования: Метель О. В. Советское историческое знание в зеркале современной историографии. Рец.: Советский исторический нарратив 1920–30-х годов: содержание, акторы и механизмы конструирования / под ред. В. В. Тихонова. М.: Совпадение, 2025. 480 с. // Universum Humanitarium. 2026. № 1. С. 183–195. DOI 10.25205/2713-1165-2026-1-183-195

Изучение феномена советской исторической науки занимает важное место в современных историографических изысканиях. Более того, на протяжении последних двух десятилетий тематика проводимых исследований была существенно расширена. Наряду с изучением биографий советских историков и их концептуальных построений (в том числе с точки зрения влияния внешних и внутренних факторов на развитие исследовательской традиции), отечественные специалисты обратились к анализу новых тем и сюжетов, в числе которых оказалась проблема конструирования исторического нарратива. Одним из первых к полноценному изучению и концептуальному осмыслению данного феномена обратился омский исследователь С. Б. Крих, представивший в ряде специальных публикаций свои размышления о процессе унификации нарратива в советской историографии [Советская историография, 2023].

Работу в этом направлении продолжили участники исследовательского проекта № 23-18-00303 «Советский исторический нарратив 1920–30-х гг.: содержание, акторы и механизмы конструирования», поддержанного Российским научным фондом: кандидаты исторических наук В. В. Тихонов (руководитель проекта), Я. А. Лазарев, С. Ю. Манышев, О. А. Плех, Ю. С. Филина, кандидат филологических наук А. С. Акимова и магистр истории М. Г. Иванова. Результатом реализации проекта стала одноименная монография, изданная под редакцией В. В. Тихонова в 2025 г. [Советский исторический нарратив, 2025]. Ее авторы ставили перед собой задачу проанализировать механизмы конструирования советских исторических нарративов в первые послереволюционные десятилетия. Причем, в отличие от С. Б. Криха [2024] и некоторых других своих предшественников, довольно редко выходивших за рамки анализа собственно научной традиции, члены данного исследовательского коллектива стремились проанализировать различные формы бытования исторического нарратива, обращаясь не только к научным статьям и монографиям, но и к кинофильмам, историческим романам и др. [Советский исторический нарратив, 2025. С. 13]. Такой подход предопределил общую структуру рецензируемого издания, в котором наряду с главами, посвященными общим проблемам бытования исторического нарратива (первая и вторая), а также общим и частным проблемам функционирования советской историографической традиции (третья, пятая, седьмая, десятая, одиннадцатая, двенадцатая и тринадцатая) присутствуют главы, в которых рассматривается советский исторический роман (четвертая) и советские исторические фильмы (шестая, восьмая и девятая главы).

Методологические основы проводимого исследования были сформулированы В. В. Тихоновым во введении и в первой главе рецензируемого издания [Советский исторический нарратив, 2025. С. 4–27]. Если верить ответственному редактору, то при изучении проблемы конструирования раннего советского исторического нарратива авторы предложили *исследовательскую модель*, в основу которой были положены, с одной стороны, принципы нарратологии, а с другой — постулаты прагматической социологии науки [Советский исторический нарратив, 2025. С. 26]. Как полагает В. В. Тихонов,

объединение этих разнородных и в чем-то противоположных подходов не могло быть беспроблемным, что, безусловно, наложило известные ограничения на итоговый результат. Так, ответственный редактор прямо предупреждает читателя о том, что при изучении проблемы конструирования нарративов авторы коллективной монографии зачастую не могли не только учесть внешний контекст рассматриваемых процессов, но и выйти за рамки «„текстовой“ (в широком понимании) стороны вопроса» [Советский исторический нарратив, 2025. С. 26–27]. Правда, несмотря на такие оговорки, с точки зрения В. В. Тихонова, авторскому коллективу все же удалось решить ключевую задачу издания и «„схватить“ такое противоречивое и парадоксальное „историческое воображение“ раннесоветской эпохи 1920–30-х гг.» [Советский исторический нарратив, 2025. С. 27].

Я полагаю, что с подобным выводом в целом можно согласиться. Данная коллективная монография действительно отличается рядом положительных качеств и, безусловно, является важным этапом в изучении ранней советской интеллектуальной культуры. Так, на мой взгляд, одним из очевидных достоинств издания является отмеченное мной ранее стремление его авторов увидеть специфику репрезентации исторического материала не только в научной традиции, но и в публичном поле, а именно в раннем советском кино и в ранней советской литературе. В целом работа в этом направлении проводилась членами научного коллектива еще в 2023–2024 гг., когда В. В. Тихоновым, А. С. Акимовой и М. Г. Ивановой были введены в оборот материалы нескольких дискуссий, состоявшихся в Москве в 1934–1935 гг. в связи с обсуждением феномена исторического романа [Между историей и литературой, 2024. С. 9–269], а Ю. С. Филина на нескольких примерах попыталась рассмотреть феномен раннего советского историко-революционного кино [Филина, 2024]. Теперь же исследователи не только расширили поле проводимых изысканий, но и подвели их итоги, показав специфику репрезентации событий петровской эпохи, восстания декабристов и Октябрьской революции в исторических трудах, романах и кинофильмах.

Второй, безусловно положительной, чертой рецензируемой монографии, на мой взгляд, является стремление ее авторов ввести в научный оборот большое количество новых данных, связанных с развитием советской культуры 1920–1930-х годов. Если говорить о раннем советском кинематографе, то в очерках Ю. С. Филиной были использованы новые архивные документы, отложившиеся преимущественно в фондах РГАЛИ¹ и РГАСПИ² и позволяющие проследить процесс конструирования истории Октябрьской революции в таких фильмах первых послереволюционных десятилетий, как «Годовщина революции» Д. Вертова, «Октябрь» С. Эйзенштейна, «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году» [Советский исторический нарратив, 2025. С. 231–283]. Причем

¹ Фонд кинорежиссера М. П. Ромма, фонд Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР, фонд Союза писателей СССР, коллекция Федора Сергеевича Седых, служащего Ассоциации революционной кинематографии и др.

² Фонды Н. К. Крупской, В. М. Молотова и др.

наиболее ярко, на мой взгляд, успехи архивной эвристики проявились в девятой главе издания, посвященной истории подготовки дилогии «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году» [Советский исторический нарратив, 2025. С. 244–283]. В рамках этой главы Ю. С. Филина, опираясь на материалы РГАЛИ, РГАСПИ, ГИМ и др., показала, как во второй половине 1930-х годов события Октября конструировались в различных вариантах сценариев будущих фильмов о В. И. Ленине.

Новые архивные документы, в том числе и материалы из частных коллекций, были введены в оборот М. Г. Ивановой, осветившей в специальном очерке процесс работы над сценарием к фильму «Петр Первый» и показавшей, как в 1933–1938 гг. под влиянием общих перемен в советской исторической политике менялся исходный вариант киноленты [Советский исторический нарратив, 2025. С. 103–116].

Значительный пласт новых материалов стал доступен исследователям и благодаря усилиям А. С. Акимовой, продолжившей свои изыскания в области советского исторического романа [Между историей и литературой, 2024. С. 375–408] и показавшей, как в первые послереволюционные десятилетия менялось общее отношение и к историческому роману, и к его роли в воспитании масс [Советский исторический нарратив, 2025. С. 78–102]. В целом автор показала, что интерес к историческому роману в Советской России стал заметен уже в середине 1920-х годов, однако подлинный расцвет этого жанра пришелся на вторую половину 1930-х годов, когда, как отмечает А. С. Акимова, ссылаясь на М. И. Серебрянского, было признано, что исторический роман «вместе с исторической наукой делает одно дело» [Советский исторический нарратив, 2025. С. 102].

Наконец, третье важное достоинство рецензируемой монографии, которое мне бы хотелось отметить, заключается в новаторстве авторов отдельных очерков в прочтении исторического материала. Наиболее ярким примером в этом отношении, на мой взгляд, является стремление В. В. Тихонова переосмыслить сам феномен ранней советской историографии, представив его не в контексте традиционных процессов «марксизации» или «политизации» отечественной исторической науки 1920-х годов, но с точки зрения «экспериментов» историков-марксистов, стремившихся реорганизовать практически все звенья цепи в процессе производства исторического знания [Советский исторический нарратив, 2025. С. 67–77]. Причем эти новаторские усилия историков рассматриваются исследователем не изолированно, а в контексте общих интеллектуальных исканий первой трети XX в., определяемых историографом через термин «модернизм»: «спектр авангардных идейных и в первую очередь, культурно-эстетических течений, ставивших под сомнение адекватность и незыблемость существующего (т. е. осмысленного через понятие классики) порядка вещей» [Советский исторический нарратив, 2025. С. 63]). В результате, благодаря смене оптики, В. В. Тихонов предлагает новый вариант прочтения ранней советской историографии, воспринимая последнюю в качестве «авангардистского историографического проекта», отличавшегося, по мысли автора, целым рядом новаторских черт, к примеру, «особым

темпоральным режимом, в котором прошлое, настоящее и будущее не перетекали друг в друга эволюционно, но смешивались и „спрессовывались“» [Советский исторический нарратив, 2025. С. 76].

Новая концептуальная рамка задается В. В. Тихоновым и при изучении процессов конструирования истории СССР в отечественной науке 1920–1930-х годов. В этом случае исследователь анализирует данные трансформации в контексте реализации раннесоветского деколониального проекта, предполагавшего не просто отказ от дореволюционного «великодержавного» нарратива, но поиск вариантов анализа истории СССР с точки зрения реализации установок критики колониальной политики «царистского режима». Причем В. В. Тихонов вполне справедливо отмечает и причины сворачивания подобного подхода, демонстрируя, как на фоне нового поворота исторического курса во второй половине 1930-х годов произошел постепенный переход от проекта «история народов СССР» к концепции «истории СССР».

Однако, несмотря на удачные исследовательские решения, интересные и, безусловно, заслуживающие внимания выводы, некоторые из которых оказались уже востребованными в историографии [Кириллова, 2025], рецензируемая монография содержит немало спорных положений, на которые, как мне кажется, необходимо обратить внимание. В первую очередь, я отметила бы тот факт, что, несмотря на усилия ответственного редактора, коллективная монография не обладает методологической целостностью и скорее состоит из разрозненных очерков, посвященных отдельным кейсам — различным аспектам функционирования советской интеллектуальной традиции, — чем из глав, последовательно раскрывающих заявленную исследовательскую проблему. Эта случайность выборки особенно ярко проявляется в собственно историографических разделах, авторы которых не просто анализируют близкие именно им сюжеты (такой подход к подготовке историографических трудов отнюдь не является необычным [Метель, 2026. С. 108]), но работают с материалом с принципиально разных методологических позиций. Так, если В. В. Тихонов анализирует специфику конструирования нарратива о Туркестанском восстании 1916 г. в контексте нового концептуализма [Советский исторический нарратив, 2025. С. 284–300], то Я. А. Лазарев показывает споры об украинской истории сквозь призму нового биографизма и ставит в центр своих штудий историка М. С. Грушевского [Советский исторический нарратив, 2025. С. 316–415], а С. Б. Манышев и вовсе начинает свой очерк о развитии советского кавказоведения со вполне привычной реконструкции организационного среза данной дисциплины [Советский исторический нарратив, 2025. С. 416–467]. Если в качестве самостоятельных текстов каждый из этих очерков обладает серьезным эвристическим потенциалом и, безусловно, заслуживает внимания специалистов, то в рамках единого нарратива, призванного показать, как функционировало «историческое воображение» в ранний советский период, эти главы выглядят калейдоскопично и вызывают вопросы относительно самого принципа отбора материала главным редактором.

Второй важный вопрос, возникающий у рецензента, обусловлен поиском точки сопряжения между различными нарративами, попавшими в объектив

исследовательского интереса авторов рецензируемой монографии. Так, на мой взгляд, одной из самых любопытных исследовательских проблем, оказавшихся в фокусе внимания членов исследовательского коллектива, должна была бы стать проблема сопоставления тех исторических картин, которые были представлены в советской историографии, советском кинематографе, советской литературе и др. И, казалось бы, члены научного проекта делают весьма серьезный шаг в сторону подобных сопоставлений. Недаром шестая глава рецензируемого издания прямо озаглавлена как «Декабристы в советском историческом нарративе: от научных дискуссий к кинематографу (1920-е гг.)» [Советский исторический нарратив, 2025. С. 117–212]. Ее авторы действительно предприняли весьма удачную попытку показать, как конструировался и репрезентировался образ декабристов в юбилейных изданиях, кинофильмах и даже операх, подготовленных в 1925 г. в связи со столетием восстания на Сенатской площади. Однако в целом детальное изучение специфики трактовки материала в нарративах различных типов в монографии все же не проводится.

Более того, анализируя специфику развития ранней советской историографии, авторы издания оставляют практически без внимания общие особенности развития раннего советского кинематографа и литературного процесса. Казалось бы, ответственный редактор аргументирует такую позицию в первой главе, подчеркивая и «текстоцентричный» характер проводимых изысканий [Советский исторический нарратив, 2025. С. 26], и первенство научной традиции в конструировании исторических представлений советского общества 1920–1930-х годов [Советский исторический нарратив, 2025. С. 20]. Однако, на мой взгляд, подобные ограничения вряд ли достаточны, и даже ориентируясь на анализ собственно исторических нарративов, специалисты не могут отказаться от внимательного анализа тех специфических внешних факторов, которые повлияли на процесс их конструирования. Особенно ярко эта особенность, на мой взгляд, проявляется при анализе кинематографической традиции, ведь кино не только обладает собственным языком, работа с которым требует специального исследовательского инструментария [Осборн, 2024], но и зависит от технических условий, которые нередко столь же серьезно влияют на содержание текста сценария, как и внешняя конъюнктура.

Вероятно, для того, чтобы в полной мере учесть все эти факторы и показать более целостный процесс функционирования «исторического воображения» в ранний советский период, было бы продуктивно не только обратиться к исследовательскому опыту представителей иных гуманитарных дисциплин [Советские двадцатые, 2023; Огулов, 2024], но и несколько скорректировать базовую исследовательскую оптику, расширив сферу применения таких понятий, как «репрезентация», «образ», «публичная история» и «полезное прошлое», в той или иной степени и так встречающихся на страницах рецензируемой монографии. Так, весьма показательным в этом отношении является концепт «полезное прошлое», ранее активно используемый В. В. Тихоновым для анализа советской историографии 1930–1950-х годов [Тихонов, 2024], но практически не примененный в настоящем издании

[Советский исторический нарратив, 2025. С. 25–27]. Между тем, на мой взгляд, полноценное использование названного концепта, особенно в сочетании с термином «репрезентация» [Никонова, 2025], позволило бы существенно обогатить проводимое исследование и показать не только процесс создания той или иной конструкции, но и особенности ее функционирования в советском публичном пространстве 1920–1930-х годов, особенно в контексте регулярных «изломов» исторической политики указанного временного периода.

Серьезные вопросы возникают при знакомстве с конкретными разделами рецензируемого издания. В силу того, что область моих научных интересов связана преимущественно с историей советской исторической науки, в рамках данной рецензии я позволю себе остановиться лишь на тех разделах, которые в наибольшей степени связаны с данной проблематикой. К числу таковых, на мой взгляд, относятся главным образом разделы В. В. Тихонова, ведущего современного отечественного специалиста по этой теме, труды которого ранее мне уже доводилось рецензировать [Метель, 2018]. И, вновь подчеркнув важность и значимость введенного им в оборот термина «советский авангардистский историографический проект», я попробую отметить те положения, которые, на мой взгляд, требуют уточнения.

В первую очередь я хотела бы обратить внимание на тот факт, что само объединение 1920-х и 1930-х годов в единый период применительно к истории советской историографии является отнюдь не бесспорным. Как уже отмечалось в историографии [Крих, 2020], эти два десятилетия представляли собой совершенно разные этапы в развитии исследовательской традиции, и если 1920-е годы и отчасти начало 1930-х годов прошли под знаком «революционной утопии» и «эксперимента», то в середине 1930-х годов историография вступила в полосу «консерватизма», проявившегося как в постепенном отказе от теоретических поисков, так и в становлении твердой организационной структуры исторического знания.

Более того, даже в 1920-е годы «историографический авангард» был отнюдь не единственным историографическим явлением, и наряду с весьма любопытными экспериментами, связанными преимущественно с представителями первого поколения историков-марксистов, отечественная историческая наука первого послереволюционного десятилетия развивалась под знаком сохранения прежних исследовательских образцов, в полной мере характерных для творчества историков — представителей «старой школы» или их учеников. Весьма показательный пример сосуществования этих традиций представляет Институт истории РАНИОН, появляющийся на страницах рецензируемого издания в качестве примера учреждения, в стенах которого проводились «междисциплинарные» исследования [Советский исторический нарратив, 2025. С. 25–27]. Мне же представляется, что до 1927–1928 гг., т. е. до начала процесса реорганизации институтов ассоциации, секции Института истории были ориентированы на реализацию вполне традиционных исследовательских программ, а их члены весьма настороженно воспринимали методологические эксперименты историков-новаторов 1920-х годов. Весьма показательным в этом отношении может быть пример секции древней истории,

сотрудники которой работали преимущественно над традиционной проблематикой [Скворцов, 2015] и регулярно критиковали одного из своих членов, В. С. Сергеева, за модернизацию истории античности³. И такие примеры можно умножать. В рецензируемой же монографии взаимодействие различных историографических традиций в ранний советский период упоминается лишь вскользь, причем, автор говорит об этом как об «отторжении „историографического авангарда“ академической средой» [Советский исторический нарратив, 2025. С. 77], что, как мне кажется, вряд ли можно считать достаточным.

В то же время, если опираться на третью главу рецензируемого издания, то останется не вполне понятным, каков был спектр новаций историков 1920-х годов. Безусловно, нельзя не согласиться с В. В. Тихоновым в том, что марксизм был «одной из ключевых теорий эпохи» и, следовательно, его активное внедрение в историографию было одним из вариантов «экспериментаторства» ранней советской эпохи, связанным с разработкой концепции «активного историзма» [Советский исторический нарратив, 2025. С. 25–27, 73]. Не вызывает возражений и утверждение о том, что некоторые советские историки тех лет действительно интересовались психоанализом. В данной связи наряду с отмеченной В. В. Тихоновым фигурой М. В. Нечкиной можно назвать историка античной философии И. А. Боричевского, разработавшего метод самопсихоанализа⁴, и в целом отметить, что проблема влияния психоанализа на раннюю советскую гуманитаристику ранее исследовалась специалистами. Однако исчерпывается ли «экспериментальный потенциал» эпохи этими явлениями? И как подобные теоретические постулаты меняли сам исторический нарратив, а не только организационный ландшафт исследовательской традиции? Для того, чтобы ответить на эти вопросы, на мой взгляд, специалисту нужно выйти за пределы широких обобщений и, существенно расширив фактографическую базу проводимых изысканий, более внимательно взглянуть на ранний советский историографический проект в контексте *кризиса классической модели исторического письма*, который стал составной частью кризиса модерна и в первой четверти XX в. затронул не только отечественных специалистов⁵ [Iggers, 1997. P. 31]. Такой подход, требующий внимательного отношения к деталям, на мой взгляд, позволит избежать не только опасных генерализаций, но и терминологической путаницы, в определенной степени характерной для третьей главы рецензируемой монографии. Так, например, В. В. Тихонов использует термин «позитивизм», который на сегодняшний день сохраняется преимущественно в учебной литературе или называет события рубежа XIX–XX вв. «научной революцией»,

³ ГА РФ. Ф. А-4655. Оп. 1. Д. 150. Л. 13.

⁴ ОР РНБ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 31. Л. 9.

⁵ Вариант подобного прочтения этих событий был предложен мной в докладе «Как „сломать“ и (не)починить всеобщую историю: советская историческая наука 1920-х гг.», сделанном на семинаре «Историческая репрезентация» (организатор — кафедра теории и истории гуманитарного знания РГГУ) 27 февраля 2026 г. См.: URL: https://vk.ru/wall-123549653_186 (дата обращения: 01.05.2026).

хотя этот термин традиционно применяется для характеристики событий XVII в. [Деар, Шейпин, 2015]. Любопытно, что на страницах коллективной монографии можно найти и более удачное понятие «научная история», связываемое традиционно с именем Л. фон Ранке [Советский исторический нарратив, 2025. С. 62–63].

Безусловно, высказанные мной замечания несколько не умаляют ценность рецензируемого издания, авторы которого действительно проделали большую работу и предложили любопытные решения некоторых исследовательских проблем. Однако я все же полагаю, что даже такие замечания должны быть высказаны рецензентом и приняты в расчет исследователями, приступающими к изучению советской историографической традиции. Причина, по которой я настаиваю на данной позиции, довольно проста: советскую историографию уже не раз пытались изучать без внимания к деталям, выделяя лишь некоторые генеральные линии в развитии исследовательской традиции, и общий итог подобных штудий оказывался неутешительным – конкретный материал, характеризующий развитие науки, помещался в прокрустово ложе общих теоретических конструкций, нередко появившихся под влиянием внешней конъюнктуры. Один из примеров – популярная в постсоветский период концепция советской историографии как «научно-политического феномена», приспособленного для «обслуживания» потребностей государства [Советская историография, 1996. С. 37]. Чтобы избежать такого рода искажений и упрощений, исследователь должен стремиться к соблюдению известного баланса между «теорией» и «практикой» и, анализируя советский историографический процесс 1920–1930-х годов, видеть свою задачу не в том, чтобы просто ввести в оборот новый материал или же, напротив, пренебрегая деталями, предложить теорию, претендующую на объяснение феномена советской исторической науки в целом, но в том, чтобы представить хорошо фундированную и разработанную теорию среднего уровня. И концепция «историографического авангарда», представленная, на мой взгляд, пока лишь в виде общего концептуального каркаса, требует дальнейшей тщательной и аккуратной разработки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Деар П., Шейпин С. Научная революция как событие. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 576 с.

Кириллова М. Н. Образ отечественной древности: от мифа к науке. М.: Издательская группа «Альма матер», 2025. 269 с.

Крих С. Б. Другая история. «Периферийная» советская наука о древности. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 320 с.

Крих С. Б. На краю ойкумены: советский писатель о Древнем Египте // Сибирский филологический журнал. 2024. № 3. С. 191–203. DOI: 10.17223/18137083/88/13

Между историей и литературой: дискуссии о романе А. Н. Толстого «Петр Первый» в 1930-е гг. / под ред. А. С. Акимовой, В. В. Тихонова. М.: Совпадение, 2024. 416 с.

Метель О. В. «Очерки по историографии средних веков»: к истории одного неизданного коллективного труда // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2026. Т. 13. № 1. С. 107–114. DOI: 10.24147/2312-1300.2026.13(1).107-114

Метель О. В. «Странное обаяние трагедии». Размышления о книге В. В. Тихонова «Идеологические кампании „позднего сталинизма“ и советская историческая наука» // Диалог со временем. 2018. Вып. 65. С. 390–397.

Никонова А. Р. Архивация памяти: историческая репрезентация в документальной поэзии // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 2. С. 23–32. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-2-23-32

Огудов С. Литературу – в кино: советские сценарные нарративы 1920–1930-х гг. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 232 с.

Осборн Р. Теория кино. Краткий путеводитель / Ричард Осборн. М.: Ад Маргинем, 2024. 224 с.

Скворцов А. М. Секция древней истории Института истории РАН ИОН как центр антиковедения 1920-х годов // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2015. № 14. Вып. 64. С. 159–165.

Советская историография / под ред. Ю. А. Афанасьева. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1996. 592 с.

Советская историография всеобщей истории как научное творчество / под ред. С. Г. Карпюка, М. С. Петровой. М.: Аквилон, 2023. 224 с.

Советские двадцатые: Искусство, архитектура, фотография, кино / ред.-сост. А. Фоменко. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 144 с.

Советский исторический нарратив 1920–30-х годов: содержание, акторы и механизмы конструирования / под ред. В. В. Тихонова. М.: Совпадение, 2025. 480 с.

Тихонов В. В. Полезное прошлое: история в сталинском СССР. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 368 с.

Iggers G. Historiography in the Twentieth Century. From Scientific Objectivity to the Postmodern Challenge. Middletown: Wesleyan University Press, 1997. 182 p.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации (г. Москва).

ГИМ – Государственный исторический музей (г. Москва).

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург).

РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов (г. Москва).

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства (г. Москва).

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории (г. Москва).

РГГУ – Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

МЕТЕЛЬ ОЛЬГА ВАДИМОВНА, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Древнего мира Института восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва, Россия, olgametel@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6981-6137>, Scopus Author ID: 57219053712, SPIN-код автора: 4216-4895.

Рецензия поступила в редакцию 03.05.2026; принята к публикации 25.05.2026.

SOVIET HISTORICAL KNOWLEDGE THROUGH THE LENS OF CONTEMPORARY HISTORIOGRAPHY

Rev.: The Soviet Historical Narrative of the 1920s–1930s:
Content, Actors, and Mechanisms of Construction / ed.
V. V. Tikhonov. Moscow, Sovpadenie, 2025. 480 p.

OLGA V. METEL

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
olgametel@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6981-6137>

Abstract. This review highlights the scholarly strengths of the monograph, emphasizing the contributors' dedicated exploration of the mechanisms behind constructing historical knowledge. It acknowledges the innovative inclusion of fiction and cinematography alongside traditional academic texts, as well as the formulation of a novel interpretative framework for the historiographical developments of the 1920s and the expansion of the historical source base. Concurrently, the review critically examines certain limitations of the publication, including an underdeveloped foundational methodology, insufficient substantiation for some conclusions, and inconsistencies in the analytical paradigms employed by the contributors and their approaches to addressing the research problems. Nonetheless, the review concludes that this volume constitutes a significant contribution to the study of Soviet historiography and advances the field beyond reductive or oversimplified perspectives.

Keywords: historical narrative, Soviet historical science, Soviet historical film, anti-colonial discourse, problem-oriented historiography, historical science and literature, Decembrist studies.

For citation: Metel O. V. Soviet Historical Knowledge through the Lens of Contemporary Historiography. Rev.: The Soviet Historical Narrative of the 1920s–1930s: Content, Actors, and Mechanisms of Construction / ed. V. V. Tikhonov. Moscow, Sovpadenie, 2025. 480 p. *Universum Humanitarium*, 2026, no. 1, pp. 183–195 (In Russ.). DOI 10.25205/2713-1165-2026-1-183-195

REFERENCES

- Dear P., Shapin S. Nauchnaya revolyutsiya kak sobytie [The Scientific Revolution as an Event]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2015, 576 p. (In Russ.).
- Iggers G. Historiography in the Twentieth Century. From Scientific Objectivity to the Postmodern Challenge. Middletown: Wesleyan University Press, 1997. 182 p.
- Kirillova M. N. Obraz otechestvennoi drevnosti: ot mifa k nauke [The Image of Domestic Antiquity: From Myth to Science]. Moscow, Izdatel'skaya gruppa «Al'ma mater», 2025, 269 p. (In Russ.).
- Krikh S. B. Drugaya istoriya. «Periferiinaya» sovetskaya nauka o drevnosti [Another History: “Peripheral” Soviet Science of Antiquity]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2020, 320 p. (In Russ.).
- Krikh S. B. Na krayu oikumeny: sovetskii pisatel' o Drevnem Egipte [At the Edge of the Oikoumene: A Soviet Writer on Ancient Egypt]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2024, no 3, pp. 191–203. (In Russ.). DOI: 10.17223/18137083/88/13
- Metel' O. V. «Ocherki po istoriografii srednikh vekov»: k istorii odnogo neizdannogo kollektivnogo truda [“Essays on the Historiography of the Middle Ages”: About the History of an Unpublished Work]. *Herald of Omsk University. Series “Historical Studies”*, 2026, vol. 13, no 1, pp. 107–114. (In Russ.). DOI: 10.24147/2312-1300.2026.13(1).107-114
- Metel' O. V. «Strannoe obayanie tragedii». Razmyshleniya o knige V. V. Tikhonova «Ideologicheskie kampanii “pozdnego stalinizma” i sovetskaya istoricheskaya nauka» [“The Strange Charm of Tragedy”. Some Reflections on V. V. Tikhonov's Book “Ideological Campaigns of the ‘Late Stalinism’ and Soviet Historical Science (mid 1940-s – 1953)”]. *Dialog so vremenem [Dialogue with Time]*, 2018, vol. 65, pp. 390–397. (In Russ.).
- Mezhdru istoriei i literaturoi: diskussii o romane A. N. Tolstogo «Petr Pervyi» v 1930-e gg. [Between History and Literature: Discussions on A. N. Tolstoy's Novel “Peter the First” in the 1930s] / ed. A. S. Akimova, V. V. Tihonov. Moscow, Sovpadenie, 2024, 416 p. (In Russ.).
- Nikonova A. R. Arkhivatsiya pamyati: istoricheskaya reprezentatsiya v dokumental'noi poezii [Archiving the Memory: Historical Representation in Documentary Poetry]. *Vestnik RGGU. Seriya «Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya» [RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies”, Series]*, 2025, no 2, pp. 23–32. (In Russ.). DOI:10.28995/2686-7249-2025-2-23-32
- Ogudov S. Literaturu – v kino: sovetskie stsennarye narrativy 1920–1930-kh gg. [Literature into Cinema: Soviet Screenplay Narratives of the 1920s – 1930s.] Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2024, 232 p. (In Russ.).
- Osborn R. Teoriya kino. Kratkii putevoditel' [Cinema Theory. A Pocket Guide] Moscow, Ad Marginem, 2024, 224 p. (In Russ.).
- Skvortsov A. M. Sektsiya drevnei istorii Instituta istorii RANION kak tsentr antikovedeniya 1920-kh godov [Section of Ancient History at Institute of History RANION as the Center of Antiquity Studies in the 1920s]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya [Bulletin of Chelyabinsk State University: History]*, 2015, no 14, vol. 64, pp. 159–165. (In Russ.).
- Sovetskaya istoriografiya [Soviet Historiography] / ed. Yu. A. Afanasyev. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, 1996, 592 p. (In Russ.).

Sovetskaya istoriografiya vseobshchei istorii kak nauchnoe tvorchestvo [Soviet Historiography of World History as Scientific Creativity] / ed. S. G. Karpyuk, M. S. Petrova. Moscow, Akvilon, 2023, 224 p. (In Russ.).

Sovetskie dvadtsatye: Iskusstvo, arkhitektura, fotografiya, kino [Soviet Twenties: Art, Architecture, Photography, Cinema] / Ed.-comp. A. Fomenko. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2023, 144 p. (In Russ.).

Sovetskii istoricheskii narrativ 1920–30-kh godov: sodержanie, aktory i mekhanizmy konstruirovaniya [The Soviet Historical Narrative of the 1920s–1930s: Content, Actors, and Mechanisms of Construction] / ed. V. V. Tihonov. Moscow, Sovpadenie, 2025, 480 p. (In Russ.).

Tihonov V. V. Poleznoe proshloe: istoriya v stalinskom SSSR [Useful Past: History in Stalin's USSR]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2024, 368 p. (In Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

OLGA V. METEL, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Ancient World of the Institute for Oriental and Classical Studies of the Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, olgametel@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6981-6137>, Scopus Author ID: 57219053712, SPIN-code: 4216-4895.

The review was submitted on 03.05.2026; accepted for publication on 25.05.2026.